

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ И НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ

Валентина Курганская

В конце XX в. Казахстан оказался в новых исторических условиях, встав на путь перехода от плановой социалистической экономики к рыночной, основанной на принципах частной собственности, индивидуальной свободы и конкуренции. Данный период сопровождается изменением политических, социальных, правовых, культурных и иных отношений. В мировоззренческом плане происходит кардинальное изменение ценностей, норм, личностных и социальных ориентаций и установок.

Происходящие внутри государства изменения обусловлены не только сломом старой системы отношений – влияют на них и процессы, протекающие в зарубежных странах. Оказавшись в зоне интересов геополитических и геостратегических интересов ведущих акторов мировой политики, Казахстан вынужден корректировать планы своего развития через контексты глобальных мегатрендов современности.

В этот период особенно важно сохранение в обществе социальной стабильности, которая должна основываться на базе достижения баланса интересов различных социальных субъектов и политических сил, своевременного разрешения возникающих проблем и противоречий с помощью предусмотренных законом механизмов и средств.

Конечно, с точки зрения понимания стабильности как отсутствия конфликтов Казахстан может быть отнесен к числу наиболее стабильных стран на постсоветском пространстве. Однако в период модернизации экономической и политической систем существует достаточно много рисков субъективного и объективного характера, могущих сказаться на устойчивости казахстанского общества самым негативным образом.

Эти риски связаны с действием самых разнообразных и разнородных факторов:

- *во-первых*, с характером современного состояния страны, находящейся на переломном этапе своей истории, преодолевающей традиционные формы общественной жизнедеятельности и утверждающей себя полноправным субъектом в обществе цивилизованных стран;
- *во-вторых*, с отсутствием адекватных политических традиций; незрелостью созданных демократических институтов; ментальными особенностями

культуры и ценностными ориентациями различных этнических групп; значительной, подчас – гиперболизированной значимостью личностного фактора;

■ *в-третьих*, с многообразием историко-культурных традиций, обычаев народов, населяющих Казахстан, предпочтений и амбиций их лидеров, способных существенно влиять на повышение уровня неопределенности в системе человеческих отношений;

■ *в-четвертых*, с уровнем экономического и социального неравенства, оказывающего существенное влияние на характер взаимоотношений между государством и обществом, а также с морально-психологическим климатом в обществе;

■ *в-пятых*, с неравномерным развитием регионов Казахстана, что создает диспропорцию в социальном положении различных групп общества, и может обострить противоречия между ними до степени антагонизма;

■ *в-шестых*, с активизацией деятельности экстремистских групп в Центральной Азии и в Казахстане, в частности, чье негативное влияние распространилось не только на население, но проникает уже и в чиновничью среду.

Разумеется, предусмотреть все риски и угрозы невозможно в принципе, но грамотная оценка и эффективная система управления рисками способны снизить их до приемлемого уровня. Так, демократизация казахстанского общества, предполагающая не только проведение политических реформ, но и возрастание зрелости гражданского общества через рост гражданского правосознания, предполагает, прежде всего, наличие диалога между властью и обществом.

Гражданское общество является оптимальной формой социального структурирования пространства свободного личностного развития, институционального утверждения идей гуманизма, неотчуждаемых прав и свобод человека. Оно формируется и полноценно развивается в условиях, когда общество функционирует на основе социальных связей и социальном опыте его членов.

Исходной точкой и, вместе с тем, целеопределением общества, ставшего на путь демократизации, являются гражданские права и свободы человека, культивирование гражданского самосознания, ориентация личности на иерархию общих ценностей, а не консолидация на базе той или иной модели суммирования частичных идентичностей. Процедурно-правовые механизмы политической демократии должны быть интегрированы с ценностно-нормативным содержанием национальной традиции и с принципами мультикультурного диалога как порождающими структурами правосознания. Политико-правовая институционализация традиционных духовно-нравственных ценностей и структур диалога национальных культур может и должна стать способом действительного преодоления взаимоотноуждения оснований саморазвития личности и трансформации социального целого в современном Казахстане.

На наш взгляд, для преодоления проблем и рационального управления социально-политическими рисками при построении гражданского общества в стране, необходимо брать во внимание следующее:

Создание открытого общества в Казахстане предполагает адаптацию традиционных институтов и архаических социокультурных стереотипов к либеральным ценностям. Попытки же найти некий третий путь построения цивилизованного общества, на который можно было бы вступить без критического пересмотра исторических традиций и культурных ценностей прошлого, не позволят решить ни одной из задач модернизации.

Государство должно на деле осуществлять принцип справедливости, равенства всех граждан перед законом, независимо от их социального и какого-либо другого статуса. Нужно, чтобы люди поверили в свою защищенность со стороны органов власти. Для этого необходимо восстановить доверие населения к институтам власти, которое утрачено вследствие коррумпированности значительной части чиновничества. Это доверие возникнет только тогда, когда власть будет олицетворять господство закона и неотвратимость наказания для тех, кто его нарушает. Непрофессионализм различных звеньев управленческой вертикали приводит к жесткой деформации общественного сознания, в том числе, и национального самосознания.

Гражданская нация у нас в стране формируется в крайне сложных условиях. С одной стороны, государство поддерживает различные инициативы социальных институтов и групп, с другой – демонстрирует неготовность работать с населением на диалоговых площадках. Необходимо развитие многообразных структур и институтов гражданского общества и налаживание четкого механизма их связи с системой государственного управления. Важнейшим звеном этого механизма являются лидеры массовых общественно-политических движений, гражданских инициатив и т. д., конструктивно сотрудничающие с официальными органами власти.

Сами же институты политической власти должны формироваться по единым, прозрачным, всем понятным демократическим правилам. Номенклатурный принцип подбора и расстановки кадров, разъедающее действие неформальных сетей, сохранение патронажно-клиентистских отношений ставят барьеры, зачастую непреодолимые, для прихода во власть управленцев нового типа, способных эффективно решать сложнейшие задачи управления обществом в условиях его динамичного, во многом – непредсказуемого развития.

Необходимо коренным образом менять отношение к праву всех без исключения членов общества. Одна из актуальнейших задач, стоящих перед властью, состоит в том, чтобы разработать систему мер по формированию у населения республики современной культуры «квалифицированной гражданственности», предполагающей обретение человеком статуса гражданина, ответственного за свои решения и принимающего активное участие в разработке и принятии коллективных решений. Процессы прогрессивного реформирования казахстанского общества, утверждения в нем демократических принципов организации общественной жизни и правового государ-

ства, а, следовательно, и открытого общества и устойчивого развития страны невозможны без становления каждого индивида субъектом общественной политики, что органично предполагает овладение каждым казахстанцем гражданским правосознанием и современной политической культурой.

Государственная правовая политика нуждается в совершенствовании: неверие в способность государства соблюдать права человека и обеспечить порядок на основе принципа справедливости необходимо преодолевать через более результативную борьбу с коррупцией, повышение качества работы правоохранительных органов и других институтов власти, которые формируют основополагающую структуру принятия и контроля за исполнением решений по всей иерархической вертикали.

В истории общественно-политических учений разработаны принципы правовой справедливости. Так, одним из основных итогов развития политически-правовой мысли в учениях Нового времени явилось категорически-императивное утверждение первичности прав и свобод человека по отношению к любым государственно-политическим структурам и сословно-кастовым стратификациям. В соответствии законотворчества этому принципу усматривался безусловный, независимый от прагматически-утилитарных мотивировок критерий строго правовой справедливости.

Вместе с тем, как афористически точно формулирует Аристотель, «...понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [1]. Именно поэтому проблема формирования правопорядка становится проблемой институционализации и государственно-правовой защиты специфической социальной конкретности: поля взаимодействия политического пространства государства и пространства автономных элементов, структур и институтов гражданского общества.

Сегодня демократия рассматривается как практически универсальная форма устройства политической системы, нормативная для любых культурных и геополитических пространств. Однако ни эмпирико-дедуктивные методы, ни диалектико-логические категориальные синтезы не годятся в качестве схем анализа такого феномена, как демократия. «...За 25 столетий, в течение которых демократия истолковывалась, оспаривалась, одобрялась, порицалась, замалчивалась, устанавливалась, существовала, уничтожалась, а потом порой воцарялась вновь, так и не удалось, как мне кажется, прийти к согласию по наиболее фундаментальным вопросам, касающимся самой сути этого явления» [2].

Казалось бы, демократия – это самый лучший государственный строй, заключающий в себе все роды государственных укладов и нравов. «...Словно ткань, испещренная всеми цветами, так и этот строй, испещренный разнообразными нравами, может показаться всего прекраснее. Вероятно, многие, подобно детям и женщинам, любующимся всем пестрым, решат, что он луч-

ше всех». Свободный человек в условиях равноправия «...так же разнообразен, многолик, прекрасен и пестр, как его государство» [3]. Демократический строй – приятный и разнообразный, снисходительный к человеческим слабостям, дающий простор всем человеческим вожелениям, но, тем самым, и опустошающий акрополь человеческой души.

Именно поэтому Платон и не питал иллюзий относительно способности демократии установить справедливый социальный порядок. Он прекрасно осознавал внутреннюю ограниченность афинской политики, предопределившую превратности ее судьбы. Неопровержимыми аргументами-фактами послужили осуждение и казнь Сократа, продемонстрировавшие бессилие разумного убеждения перед предрассудками и косностью «агрессивно послушного большинства» демократического и законопослушного охлоса.

В наши дни на первый план вновь выходит отмеченная классиками особенность демократической формы правления – ее нестабильность и уязвимость. Один из ведущих философов современности Жан Бодрийяр говорит: «Демократия обладает большим запасом возможностей автокоррекции, самоналадки. Но сегодня, похоже, эти возможности истощились. Взять хотя бы систему народного представительства – посмотрите, во что она превратилась в Америке. И у нас, во Франции, не лучше. Это – не демократия, это – издевательство. Права человека, свобода, демократия – все это превратилось в пародию. И очень мало шансов, что систему можно откорректировать» [4]. Система достигла стадии предельной насыщенности и теперь начинает опошляться. Самое смешное во всем этом – продолжает Бодрийяр, – что западные ценности таковыми больше не являются. Наша система к ним равнодушна: она отлажена, высокотехнологична, оперативно функционирует, но о ценностях нет и речи.

Точно такой же диагноз был поставлен полисной демократии Платоном. Платоновский Сократ говорит собеседнику: «То, что определяет как благо демократия и к чему она ненасытно стремится, именно это ее и разрушает.

– Что же она, по-твоему, определяет как благо?

– Свободу. В демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить тому, кто свободен по своей природе». И несколько далее: «Чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства оборачивается ни чем иным, как чрезвычайным рабством» [5].

С этим выводом вполне солидарен и Аристотель: «Многое из того, что кажется свойственным демократии, ослабляет демократию» [6]. В особенности те меры, которые придают государству наиболее выраженный демократический отпечаток. В демократиях установились порядки, противоположные тому, что полезно для демократии, и «...причина этого в том, что там плохо понимают, что такое свобода» [7].

События последних лет демонстрируют яркие примеры провалов демократии, впечатляющие подтверждения действия отмеченной Платоном и Ари-

стотелем тенденции порождения тоталитарных режимов из самой демократии, на основе демократических процедур народного волеизъявления. «Тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство» [8]. Так, США, объявившие себя образцом демократической страны, считают для себя возможным вмешиваться под надуманными поводами в дела суверенных государств, игнорируя при принятии решений мнение собственного народа. Что касается внешней политики, то активно действующие в постсоветских странах многочисленные американские фонды, помогающие «продвигать» демократию и защищать демократические ценности, на самом деле выполняют далеко не гуманитарную миссию, но ведут целенаправленную подготовку населения этих стран к свержению собственных правительств.*

Многие казахстанские НПО также финансируются этими фондами. Собственно говоря, ничего незаконного в такого рода финансировании нет. У многих организаций неправительственного сектора появляется возможность проводить независимые исследования, работать на укрепление и развитие гражданского общества через различного рода инициативы местных локальных сообществ, которые не поддерживаются местными властями. При этом как Россия, так и Казахстан являются далеко не самыми бедными странами и могут в полном объеме сами финансировать инициативы своего неправительственного сектора. Однако коррупционная составляющая при проведении тендеров приводит к тому, что гранты достаются не тем организациям, которые имеют квалифицированных работников, а система «откатов» заставляет грантополучателей экономить на выполнении проектов, от чего страдает качество выполняемых работ.

С иностранными организациями НПО иметь дело проще – нет системы «откатов», не требуется лишних бумаг при сдаче финансовой отчетности, вовремя выплачиваются транши. Но за этой финансовой поддержкой может скрываться вполне определенный интерес – борьба за ресурсы проходит через умы граждан, чьи страны попали в зону интересов такой «демократической» страны, как США.

Тем не менее, при всех критических оценках демократических принципов и ценностей нельзя не признать, что для преодоления ошибок и отрицательных последствий процессов демократических преобразований не существует иного способа, чем сама же демократизация, предполагающая подотчетность власти перед своим народом.

* Так, недавно на одном из российских сайтов был опубликован список российских некоммерческих организаций, которые в 2009 г. получали финансовую поддержку от фонда «Национальный фонд США за демократию» (National Endowment for Democracy), созданного ЦРУ. Помимо грантов NED, некоторые из них получали дополнительное финансирование от Госдепартамента США, в том числе, и организация Навального. – См.: http://www.za-nauku.ru//index.php?option=com_content&task=view&id=5491&Itemid=39.

Проблема стабильности демократии, как правило, рассматривается в контексте компаративистских исследований и в системе конкурирующих моделей самой демократии. Как отмечает Роберт Даль, за последние 50 лет «...все политические системы, альтернативные демократии, либо исчезли вовсе, превратившись в диковинные ископаемые, либо удалились с политической арены» [9]. Разнообразие политических систем, бывшее предметом социально-философской рефлексии классического периода, уступает место сравнительно-политологическому исследованию разнообразия собственно демократических систем. Доминантой теоретического интереса становится проблема типологии демократии, разработки ее критериев, стандартов и эталонов в связи с особенностями состава и структур взаимодействия лингвистических, этнических, расовых, религиозных, культурных, идеологических, региональных и т. д. общностей (сегментов), в совокупности составляющих социально-политическое целое. Эта установка также может быть возведена к античным образцам политически-правовой рефлексии.

Если Платон ставит вопрос об *идеальном* государстве, то Аристотель поднимает проблему *оптимального* или даже *приемлемого* устройства государства применительно к конкретным условиям той или иной страны, к той житейской обстановке, в которой живет большинство людей. При определении правового либо неправового характера государства типы государственного устройства не имеют решающего значения. «...Когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями» [10]. Именно поэтому царская власть, аристократия и полиция в равной мере являются, правильными типами государственного устройства. Отклонениями от этих типов являются, соответственно, *тирания*, или деспотическая монархия, имеющая в виду выгоду правителя; *олигархия*, при которой блюдет выгода состоятельных граждан; *демократия*, защищающая интересы неимущих.

Относительно определения демократии и олигархии Аристотель указывает на одно затруднение: что, если в государстве большинством являются как раз состоятельные люди? Следует ли обозначать тот строй, при котором у власти находится состоятельное большинство или неимущее меньшинство, олигархией или же демократией? Ответ на это дается следующий: то, чем различается демократия и олигархия, есть бедность и богатство, а не власть меньшинства или большинства. Например, если в гипотетическом государстве, состоящем из тысячи трехсот граждан, тысяча была бы богачами и не допускала к правлению трехсот бедняков, – решится ли кто-нибудь утверждать, что в подобном государстве создан демократический строй? Следовательно, там, где власть основана на богатстве, безразлично, меньшинства либо большинства, мы имеем дело с олигархией. Там же, где правят неимущие, там

перед нами демократия. Политика является «как бы смешением» демократии и олигархии. Как видно, дефиниции Аристотеля акцентируют смысл, затушеванный современными концепциями демократии.

«...Нелегко при исследовании определить, кому должна принадлежать верховная власть в государстве: народной ли массе, или богатым, или порядочным людям, или одному наилучшему из всех, или тирану» [11]. Но при всех затруднениях «...то положение, что предпочтительнее, чтобы верховная власть находилась в руках большинства, нежели меньшинства, хотя бы и состоящего из наилучших, может считаться, по-видимому, удовлетворительным решением вопроса и заключает в себе некое оправдание, а, пожалуй, даже и истину» [12]. Демократия – тип государственного устройства, наименее отклоняющийся от наилучшего, т. е. от сущности политического общения. Или: демократия – наилучший и наиболее приемлемый из всех испорченных видов государственного строя.

Таким образом, недостаточно определить, что верховная власть должна принадлежать закону. «Законы следует издавать – да так они и все и издаются, – применяясь к данному государственному строю», – отмечал Аристотель [13], поэтому нельзя предполагать, что одни и те же законы окажутся полезными и для всех олигархий, и для всех демократий. Но, вместе с тем, следует различать внутренний и внешний критерии законосообразности. По его мнению, «...Законы должны быть согласованы с тем или иным видом государственного устройства. А если так, то, очевидно, законы, соответствующие правильным видам государственного устройства, будут справедливыми, законы же, соответствующие отклонениям от правильных видов, будут несправедливыми» [14].

Представляется, что на сегодняшнем этапе развития казахстанского общества именно радикальная трансформация гражданского правосознания становится способом, посредством которого духовно-мировоззренческие основания социальности смогут оказать решающее воздействие на демократизацию политической системы и консолидацию всех здоровых сил государства.

Литература

1. *Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4.* – М.: Мысль, 1984. – С. 380.
2. *Даль Р. О демократии.* – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 9.
3. *Платон. Государство // Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий.* – М.: Мысль, 1999. – С. 344, 349.
4. *Архангельская Н. Меланхолический Ницше (интервью с Жаном Бодрийяром) // Спектр развития.* – 2002. – № 2 (4). – С. 4.
5. *Платон. Государство // Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий.* – М.: Мысль, 1999. – С. 350, 352.

6. *Аристотель*. Политика. – С. 549.
7. Там же. – С. 551.
8. *Платон*. Государство. – С. 352.
9. *Даль Р.* О демократии. – С. 7.
10. *Аристотель*. Политика. – С. 457.
11. Там же. – С. 462.
12. Там же. – С. 463.
13. Там же. – С. 488.
14. Там же. – С. 467.

Түйін

Курганская В.Д. Азаматтық құқықтық сана және жаңа саяси тәуекелдер

Мақалада қазіргі әлеуметтік және саяси демократияның ерекшеліктерімен байланысты саяси тәуекелдер талданады. Демократиялық өзгерістердің теріс салдарларын жоюдың демократияландырудан басқа амалы жоқ екендігі көрсетіледі.

Summary

Kurganskaya V.D. Civil Legal Consciousness and New Political Risks

The class of political risks, connected with features of a present stage of development of social and political democracy, is analyzed in article. It is shown, that for overcoming negative consequences of processes of democratic transformations there is no different way, than democratization.